

Посвящается моей жене Аните и остальным членам нашей пятерки: Тине, Ками и Вей. Спасибо, что подарили мне возможность почувствовать себя нужным.

THE THINGS THEY CANNOT SAY

STORIES SOLDIERS WON'T TELL YOU ABOUT WHAT
THEY'VE SEEN, DONE OR FAILED TO DO IN WAR

KEVIN SITES

HARPER PERENNIAL

NEW YORK • LONDON • TORONTO • SYDNEY • NEW DELHI • AUCKLAND

СИНДРОМ ВОЙНЫ

О ЧЕМ НЕ ГОВОРЯТ
СОЛДАТЫ

КЕВИН САЙТС

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

МОСКВА
2013

УДК 172.4:179.9
ББК 87.701.3:87.751.5
С14

Переводчик Анна Шураева
Редактор Роза Пискотина

Сайтс К.

С14 Синдром войны: О чем не говорят солдаты / Кевин Сайтс; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 274 с.

ISBN 978-5-91671-256-8

Столкновение со смертью, даже случайное, а тем более сознание собственного участия в убийстве — то, о чем не принято говорить. Но говорить об этом надо, считает известный военный журналист Кевин Сайтс. Это единственный способ, пережив войну, начать мирную жизнь без кошмарных снов, наркотиков, беспробудного пьянства — всего того, что автор, побывавший более чем в 20 горячих точках, пережил сам. Сайтс задает мучительные, неудобные вопросы солдатам и морякам, с которыми познакомился в ходе войн в Афганистане, Ираке и других и которые согласились поделиться с ним самым сокровенным. Каково это — убивать? Что ты чувствуешь, когда в тебя стреляют? Почему ты уверен в своей правоте? Можно ли это забыть и как жить, постоянно помня об этом?

УДК 172.4:179.9
ББК 87.701.3:87.751.5

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-256-8 (рус.)
ISBN 978-0-06-199052-6 (англ.)

© Kevin Sites, 2013
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2013
Издано по лицензии HarperCollins Publishers

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Предисловие	11
Введение	29
ЧАСТЬ I. УБИЙСТВО	47
Глава 1. Убийство вблизи	49
Глава 2. Нажать на спусковой крючок	77
ЧАСТЬ II. БОЕВЫЕ РАНЫ	89
Глава 3. Чувство вины	91
Глава 4. Никто нас не слышит	129
ЧАСТЬ III. ТО, ЧТО УБИВАЕТ ДУШУ	147
Глава 5. Псы войны	151
Глава 6. Распятие	161
ЧАСТЬ IV. СМЕРТЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ	177
Глава 7. Недружественный огонь	179
Глава 8. Как это исправить?	195

ЧАСТЬ V. НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ МОРАЛИ	209
Глава 9. Моррис против Мо	211
Глава 10. Тихий солдат	219
Глава 11. Погружение	239
Эпилог	257
Благодарности	269

ОТ АВТОРА

Звания, наименования подразделений и операций, упомянутые в книге, соответствовали действительности на момент описываемых событий. Некоторые из моих героев дослужились до более высоких званий и принимали участие в других боевых действиях. Об этом будет упомянуто в конце каждой главы.

Письма, сообщения в социальных сетях и СМС-сообщения приводятся без каких-либо изменений, если не указано иное.

Автопортрет. Озеро Эри, 2010 г.

В бою невнимание к деталям может привести к смерти людей.

*Карл Марлантес.
Каково это — идти на войну?*

ПРЕДИСЛОВИЕ

УБИЙЦА ВО МНЕ

Я ЖУРНАЛИСТ, а не солдат, но однажды убил человека на войне. И вот как это произошло: я смотрел в глаза моей жертвы, умолявшей о пощаде. Он лежал передо мной в разорванной рубашке и белом белье, в собственной запекшейся крови. Я пожал плечами, повернулся и ушел. Мое безразличие стало такой же причиной его смерти, как патроны 5,56×45 мм НАТО¹, изрешетившие его спину, когда он пытался спастись, уползти в те самые несколько минут или, может быть, часов после того, как я ушел, оставив его в мечети на юге Эль-Фаллуджи. Я убил его, не имея в руках оружия и не видя его смерти. Что убил его, я узнал лишь три года спустя. Только тогда, читая заметно отредактированный отчет Службы криминальных расследований ВМС об этом инциденте, я узнал, что сделал. В тот момент система моих убеждений развалилась, как шаткая пирамида из поставленных друг на друга

¹ Патрон, разработанный в США первоначально для винтовки М-16, но использующийся и для автомата М-4. Те и другие выпускали для пехоты и Морской пехоты США во время военных действий в Ираке и Афганистане. Повстанцы же в Ираке, как и талибы в Афганистане, в основном были вооружены АК-47 с патронами 7,62×39 мм.

картонных коробок, и передо мной, наконец, открылось другое лицо войны. До тех пор я был удачлив в погоне за своим наркотиком — войной и практически не испытывал негативных последствий своей зависимости. Но больше так продолжаться не могло.

КАК МНОГИЕ ЖУРНАЛИСТЫ, в молодости я любил заигрывать с опасностью. В 1986 году, в возрасте 23 лет, будучи восторженным и неопытным внештатным репортером и фотографом одной альтернативной газеты, я отправился в Никарагуа освещать необъявленную войну США против левого правительства сандинистов. У меня было 150 долларов в кармане, десять катушек пленки в пластиковом пакете и обрывки испанского в голове. Я мечтал поскорее превратиться в бывалого иностранного корреспондента, надеялся оказаться в перестрелках, может быть, получить легкое ранение, но, конечно, совершенно ничего не понимал. Все мое обучение тому, как следует вести себя в зоне боевых действий, сводилось к троекратному просмотру «Сальвадора» Оливера Стоуна. Оказавшись в Никарагуа, я тут же направился в бар La Cita при отеле Intercontinental в Манагуа и потратил все свои наличные на местное пиво Victoria, чтобы угостить моих новых друзей из постояльцев отеля. Рассчитывал, что, если мы выпьем достаточно много, я смогу уговорить их пустить меня переночевать на полу в их номере. Освоившись в городе, я арендовал (к счастью, кредитка у меня осталась) старую потрепанную Toyota Sentra и отправился к северу от Манагуа, на линию фронта. Со мной поехал Хэл, профессор Канадской военной академии, который любезно согласился быть моим переводчиком, сообразив, вероятно, что одному мне вряд ли удастся выжить.

Помню, как в канун Рождества мы тряслись по разбитым горным дорогам, когда двое солдат из армии сандинистов, бредущие по обочине, попросили подвезти их. С полей их зеленых форменных шляп, похожих на ковбойские, капала

вода. Они влезли на заставленное вещами заднее сидение, и я стал разглядывать магазины их автоматов Калашникова, изогнутые и наминавшие бананы. От солдат пахло дымом костра, у которого они пытались согреться в этот холодный и дождливый вечер. «С Рождеством!», — поприветствовали мы друг друга, я переключился на первую скорость, и мы отправились вперед, в туманную мглу. В тот момент мне показалось, что я вышел за пределы той реальности, в которой все еще жил с самого детства в провинциальном городке штата Огайо. Я почувствовал себя частью другого пространства — здесь царили возбуждение и опасность и все зависело от мужчин с автоматами в руках. В тот раз мне не удалось стать свидетелем боевых действий, очевидны были только их последствия: жители деревень хоронили погибших после боя. Но именно тогда я впервые испытал чувство, которое позже превратит для меня войну в своего рода героин. Я хотел почувствовать себя навсегда свободным от банальностей нормальной жизни. Это состояние прекрасно воспроизводит Кэтрин Бигелоу в фильме «Повелитель бури» (Hurt Locker): сапера, первого сержанта Уильяма Джеймса больше беспокоит вид заставленных бакалейных полок в магазине, чем заложенная у дороги мина, собранная из артиллерийских снарядов калибра 155 мм в Ираке.

Следующую свою военную «дозу» я получил десять лет спустя, работая продюсером на NBC News. В этот раз высшей точки я достиг легко и буквально — когда сидел, свесив ноги в открытую дверь, на борту вертолета Seahawk, замершего над эсминцем ВМС США в Персидском заливе (по окончании войны США и союзники создали свободную от полетов зону в Ираке). Я думал: «Кому же это так чертовски везет, что его возят от линкоров к авианосцам и обратно, да еще и платят за это?»

Еще несколько лет спустя я наблюдал в столице Сербии Белграде за началом войны в Косово, снимая на видео запуск с палубы крейсера ВМС США Philippine Sea управляе-

мых ракет Tomahawk стоимостью в миллион долларов. Все убийства, «очевидцем» которых я стал до и во время событий в Косово, на самом деле происходили далеко от меня. Я смотрел, как запускают ракеты, но никогда не видел непосредственного результата их действия. Все изменилось во время военных действий в Афганистане и Ираке.

УБИЙСТВО ПЕРЕВОРАЧИВАЕТ ВСЕ С НОГ НА ГОЛОВУ. Стать свидетелем убийства людей, особенно знакомых, — такое нельзя стереть из памяти. А совершить убийство или быть в нем замешанным — значит обречь себя на пожизненные попытки разобраться в себе, задаваясь одним и тем же вопросом: «Я на стороне добра или зла?» и медленно сходя с ума от двусмысленного ответа на этот коварный вопрос: «Конечно, да».

Когда кто-то убивает на войне, происходит смена психологических установок. Человеку необходимо найти в своих действиях смысл. Поскольку убийство абсолютно противоречит нашей человеческой сущности, нужно обязательно найти оправдание, иначе наш мозг выберет заданную по умолчанию программу — осуждение убийцы¹.

Так, в фильме «Цельнометаллическая оболочка» (Full Metal Jacket), снятом в 1987 году Стенли Кубриком и рассказывающем о войне во Вьетнаме, Шутник пытается объяснить разъяренному полковнику, почему он носит на бронежилете символ мира, хотя на каске у него написано: «Рожденный убивать».

Шутник: Я думаю, мне хотелось наемкнуть как-то на двойственность человеческой природы.

¹ В книге «Воины: размышления о мужчинах в бою» Glenn Gray пишет: «Главная цель государства при создании образа врага во время войны — это как можно более четко разделить понятия “уничтожение врага” и “убийство”, чтобы первое воспринималось как достойное и заслуживающее похвалы действие». Gray добровольно поступил на военную службу рядовым в 1941 году, в тот же день, когда получил степень доктора философии в Колумбийском университете.

Полковник: На что?

Шутник: На двойственность человеческой природы. Это из Юнга, сэр.

В своей книге «Каково это — идти на войну?» бывший офицер пехоты США, участник войны во Вьетнаме и студент Оксфорда, получивший стипендию Родса, Карл Марлантес размышляет о своем опыте. Ему приходилось убивать и видеть смерть людей во время службы во Вьетнаме в период десятилетней кампании США в этой стране. За годы, прошедшие после его службы, он понял, что со смертью надо обязательно примириться. Однако это слишком сложно в век современных войн, когда смерть становится абстракцией для тех, кто ее творит.

«Сегодня случается, что солдат во время патрулирования территории убивает кого-то или гибнет кто-то из его друзей, но в тот же вечер он звонит своей девушке, и они могут болтать о чем угодно, кроме того, что произошло только что. Но если само общество всеми силами стремится закамуфлировать это и из лучших побуждений сознательно предоставляет “все удобства, как дома”, современные средства транспортировки и связи, разве обычный восемнадцатилетний парень может во всем этом не запутаться?»

Марлантес считает, что горе и траур по тем, кого убил, по друзьям и товарищам, которых потерял, запускает механизм трансформации, которая позволяет солдату обрести мир после битвы. Отсутствие такого переживания, когда оно заглушается алкоголем, наркотиками, беспорядочными половыми связями, приводит к тому, что солдат застревает в болоте своего прошлого, продолжает жить с сознанием своих «грехов», постоянно осуждая себя, без надежды на спасение. Учитывая, что более двух миллионов американцев участвовали, по крайней мере, в одном из двух десятилетних конфликтов в Ираке и Афганистане, отказ общества от решения этой проблемы может обернуться катастрофи-

ческими последствиями для социальной и экономической жизни США, в том числе распространением наркомании и алкоголизма, бытового насилия и преступности, а также баснословной стоимостью медицинской и психологической помощи, необходимой ветеранам этих войн после их возвращения домой и до самой старости.

«На кону психика не просто каждого молодого солдата, а всей нашей цивилизации», — считает Марлантес. Вот что он пишет:

«Попробуйте как-нибудь на заправочной станции спросить у двадцатилетнего участника боевых действий, что он чувствовал, когда ему приходилось убивать. Скорее всего, он разозлится и, если решит быть с вами откровенным, ответит: “Ни черта я не чувствовал!”. Задайте ему тот же вопрос, когда ему будет лет шестьдесят, и, если он еще будет не слишком пьян, может быть, вы услышите совсем другой ответ — но далеко не всегда. Ведь некому было помочь ему разобраться в своих чувствах за все эти долгие сорок лет, что прошли после его возвращения домой. Очень важно, чтобы кто-то оказал помощь молодым людям, вернувшимся с поля брани, прежде чем они подсядут на алкоголь, наркотики или совершат самоубийство. Нельзя рассчитывать, что обычные восемнадцатилетние парни могут убить кого-то и нормально принять это. Человеку надо пережить естественное горе из-за того, что он отнял чью-то жизнь. Это тоже одна из бед, приносимых войной. Наркотики, алкоголь и самоубийство — все это попытки избежать чувства вины, вызванные страхом испытать боль и горе. Хотя само по себе горе — это здоровая реакция».

Но ведь скорбь по самой своей природе связана с воспоминаниями; она требует еще раз пережить тяжелые моменты прошлого и принять чудовищную правду о том, что пришлось видеть, делать (или не удалось сделать) во время военных

действий. И отрицание не помогает справиться с ситуацией — ни солдату, ни обществу.

Психолог, специалист по проблемам ветеранов военных действий, доктор Эдвард Тик пишет в своей книге «Война и душа: лечение наших ветеранов от посттравматического синдрома» (War and Soul: Healing our nation's veterans from post-traumatic stress), что отрицание не защищает нас, а, наоборот, запутывает наши представления о человеческой природе добра и зла, заставляя нас ошибочно причислять себя либо к тому, либо к другому, не допуская мысли о том, что они могут уживаться в одной душе.

«Что мы отрицаем, когда творим войну? Мы отрицаем многогранность собственной природы, — пишет Тик, — в том числе такие наши качества, как жадность, способность намеренно причинять зло, вместо этого упорно стремясь сохранить веру в собственную непогрешимость и доброту».

Чтобы подтвердить сказанное, вспомним заголовки новостей с полей сражений. Когда мы узнаем, что «команда смерти» американских солдат устраивает засады и убивает мирных афганцев просто ради удовольствия или что морские пехотинцы США снимают на видео, как они мочатся на трупы талибов, а затем размещают это на YouTube, или что десантники позируют на жутких фотографиях с выставленными напоказ телами смертников, разорванных бомбами, или что на юге Афганистана старший сержант пехоты среди ночи оставляет пост, чтобы убить 16 мирных граждан, в том числе девятерых детей, — какова наша первая реакция? «Не может быть, чтобы это были наши. Мы же хорошие парни». И, как считает Тик и ряд других специалистов, следующий шаг на пути к индивидуальному и коллективному самосохранению — постараться забыть все неприятные случаи. Адвокат военнослужащего, обвиненного в массовом убийстве мирных афганцев, утверждает, что старший сержант Роберт Бейлс сам не помнит, как совершал свою «вылазку».

Можно предположить, что понять зловещую тайну войны и пережить ее последствия легче, если смыть кровь и грязь и предоставить ее анализ беспристрастной логике открытых и любознательных умов.

И вот что необходимо выяснить:

Каково это — убивать? Каково это — быть раненым или умереть? Каково это — видеть, как других ранят или убивают в бою? И, наконец, что нужно делать, чтобы с полей сражений суметь вернуться в мирное общество нормальными людьми?

Хотя, как я уже говорил, я не военный, большую часть последних десяти лет я провел в зонах боевых действий, а остальное время пытался осмыслить свой опыт. Мне случалось спасать раненых и оставлять других умирать. Но чаще всего приходилось наблюдать, быть очевидцем. Я был свидетелем того, как убивали людей самых разных возрастов — от почти младенцев до восьмидесятилетних стариков. Я видел, как убивали издалека, сбрасывая бомбы. Видел, как убивали на расстоянии вытянутой руки, когда один человек казнил другого. И то, что я увидел — когда снимал происходящее на пленку и когда рассматривал снятое потом, — изменило меня навсегда. Это и теперь накладывает определенный отпечаток на мой характер и наполняет сознанием собственной значимости, даже самодовольством. Но это же медленно убивает меня в те моменты, когда я полностью осознаю свою причастность.

Работая над книгой, я стремился найти ответы на поставленные выше вопросы. Но это оказалось крайне сложной, а подчас и непосильной задачей. Я хотел связаться с солдатами, с которыми познакомился в горячих точках, откуда вел свои репортажи, и расспросить их о том, что произошло с ними с момента нашей первой встречи. Может быть, после возвращения они столкнулись с теми же проблемами, что и я, и война точно так же покалечила их жизни. Я надеялся, что они помогут мне, научат чему-то новому. Мне и самому

было чем поделиться с ними. Работая над своей первой книгой «В горячей зоне: один человек, один год, двадцать войн» и участвуя в различных встречах и презентациях по этому поводу, я понял, что, рассказывая о своем военном опыте и ошибках, смог принять их и примириться с ними. Уверен: если бы солдаты поделились со мной своими историями, это помогло бы и им. Как выяснилось, этой точки зрения придерживаются многие специалисты. Они считают, что главное — найти способ разговорить людей, освободить их от оков молчания, помочь им рассказать то, о чем они не в состоянии говорить.

«Лечение посттравматического синдрома во многом заключается в том, чтобы солдат вспомнил и рассказал о случившемся с ним», — пишет Марлантес в книге «Каково это — идти на войну?». Когда военный начинает говорить, тяжесть его ноши уменьшается.

«Кроме того, рассказы о личном опыте объединяют общество. Так создается или воссоздается коллективная история, а ее участники и слушатели превращаются в свидетелей произошедшего», — утверждает Тик в книге «Война и душа». И продолжает: «Устные признания ветеранов призваны переложить тяжесть пережитого с человека на общество».

Джонатан Шей, бывший психиатр Управления по делам ветеранов, предупреждает в своей книге «Ахиллес во Вьетнаме» (*Achilles in Vietnam*) о том, какую опасность и для военных, и для общества таят эти нерассказанные истории. «Мы никогда не проникнемся переживаниями солдата, если не попытаемся понять, как война сначала создает, а потом уничтожает человеческую привязанность, — пишет он. — Неразделенное горе может навсегда, на всю оставшуюся жизнь искалечить человека: он так и будет либо испытывать ярость, либо жить в эмоциональном оцепенении».

Я боялся, что ветераны не захотят со мной разговаривать. Ведь я журналист, а военные не слишком-то высокого мнения о журналистах и убеждены, что доверять нам можно

еще меньше, чем юристам. Вдобавок именно я стал виновником скандала, разразившегося после второй операции американских войск в Эль-Фаллудже в 2004 году. Ведь это я снял, как капрал Морской пехоты США без суда казнит в мечети раненого невооруженного повстанца (об этом позже). И мои вопросы действительно были встречены гробовым молчанием.

Даже с теми солдатами, которых я знал лично и с которыми мне удалось подружиться, построить диалог оказалось непросто. Говорить откровенно больше всего им мешал страх. Страх вновь вспомнить о тех событиях, страх осуждения, страх угрызений совести и, как считает психолог Тик, страх увидеть самого себя сквозь призму утраченной невинности.

Часто те солдаты, с которыми я пытался связаться, отвечали на одно-два моих письма, а потом пропадали. Иногда наш диалог продолжался довольно долго, но потом все-таки обрывался. Они либо начинали сомневаться в моих намерениях, либо не выдерживали той боли, которую разговоры со мной делали еще невыносимее, вместо того чтобы смягчить ее.

Был, например, такой случай. Я два месяца общался с бывшим военнослужащим, назовем его Нейтом. Нейт был изуродован шрамами от осколков разорвавшейся мины. Он открыто и откровенно рассказывал мне о пережитом во время службы в Ираке. Но потом один консерватор-бизнесмен, спонсировавший программу помощи раненым ветеранам, намекнул Нейту, что журналист вроде меня — не лучший исповедник. На самом деле, конечно, проблема заключалась в другом. Нейт пробыл в Ираке совсем недолго до того момента, когда его машина подорвалась на mine. Этот инцидент стал практически единственным фактом его непосредственного участия в боевых действиях. Нейт плохо помнит сам взрыв, а период после ранения практически полностью стерся из его памяти. Дело в том, что он получил настолько

серьезные ожоги, что долгое время провел либо в искусственной коме, либо под действием сильных лекарств. В результате его не мучили ни кошмары, ни другие проявления посттравматического синдрома. Однако, когда я в последний раз позвонил ему и попытался убедить его чуть больше рассказать мне о пережитом, чтобы я мог опубликовать его историю, он объяснил, что из-за бесед со мной начинает испытывать неизвестное ему прежде чувство тревоги. Ему часто стало сниться, что рука его горит и он никак не может ее потушить, хотя раньше ничего такого не было. Тогда я понял, как мало на самом деле знаю. Мне удалось справиться с проявлениями посттравматического синдрома, рассказав о своем опыте. Но вдруг есть определенные противопоказания и для «лечения разговором»? Возможно, некоторых людей воспоминания о травмирующем инциденте начинают преследовать постоянно, если они слишком долго размышляют о пережитом, как это произошло с Нейтом. Этот случай заставил меня еще раз усомниться в том, что моя работа может принести какую-то пользу.

Был и еще один случай, едва не подорвавший мою уверенность в целесообразности и важности этой книги. Летом 2006 года я был прикомандирован к подразделению на одном из аванпостов в южной части Афганистана — там было сухо, грязно и пустынно. Журналист, прикрепленный к пехотному взводу (30–40 военнослужащих), может вызвать у солдат две реакции. Его либо всеми силами избегают, считая — иногда оправданно — ничуть не менее опасным, чем какая-нибудь мина-ловушка на поле боя. Либо, наоборот, ищут с ним общения: чтобы попросить спутниковый телефон или стрельнуть пару сигарет, или просто поговорить с кем-нибудь «со стороны». Один из военных, назовем его Генри, был как раз из таких. Часто душными ночами мы с ним сидели на мешках с песком, курили и разговаривали. В подростковом возрасте Генри, белый парень, попал в уличную афроамериканскую банду и сейчас в подробностях рассказывал мне свою

захватывающую историю. В 12 лет он продавал наркотики, а в 14 напал с ножом на другого члена банды и оказался в тюрьме. Ничем хорошим бы это не закончилось, но судья пожалел Генри и предложил ему выбор: тюрьма или армия. Раздумывать было не о чем. В армии он нашел применение своей неумной энергии и любви к опасным приключениям. Он рассказал мне, как в лагере для новобранцев его приучал к дисциплине инструктор, который раньше тоже был в уличной банде. Он сумел разглядеть потенциал в бунтаре Генри. Генри нравилась новая жизнь, у него появились новые друзья. Но потом его отправили в Ирак, где его лучший друг, совсем еще молодой парень Морено подорвался на mine. Генри обвинял в его смерти себя: он был наводчиком орудия и должен был вовремя заметить самодельное взрывное устройство. Генри рассказал мне, что гибель Морено стала для него настоящим потрясением. Он решил отомстить. Как-то вскоре после этого в их автоколонну попытался бросить гранату десятилетний мальчик, и Генри расстрелял его из пулемета. Но этого ему показалось мало: он направил пулемет в толпу людей, стоявших на обочине дороги. Когда спусковой крючок был опущен, еще девять человек остались лежать на земле, убитые или в агонии. «Большинство из них, — спокойно рассказывал мне Генри, — вообще никакого отношения к нападению не имели. Ну и что, черт возьми? Это же война!» И он пожимал плечами.

Мы, журналисты, любим такие истории: человек выбирает неверный путь, исправляется, потом ошибается снова. Чем это все закончится? Вдруг армия окажется для Генри тяжелее, чем срок в тюрьме? Вернувшись домой, я взял интервью у его матери и девушки. И тогда у меня появились кое-какие сомнения. Часть его историй оказалась правдой, например, его членство в банде и эпизод с ножом. Но многое он преувеличил или приукрасил, а кое-что и откровенно выдумал. Генри утверждал, что оказался в тюрьме вместе с закоренелыми преступниками, но в том штате, где он тогда жил,

закон обязывает содержать несовершеннолетних отдельно, независимо от того, в каком преступлении они обвиняются. А потом стали выясняться и более серьезные несовпадения. Больше всего смущало то, что мне никак не удавалось найти никаких записей о смерти его друга Морено. Я отправил Генри письмо с вопросом, не перепутал ли он название места или дату. Никакого ответа. Я просмотрел все списки погибших, но о солдате с таким именем не нашел ничего, абсолютно ничего. Выяснилось, что он существовал только в воображении Генри. Несколько месяцев я пытался добиться от него ответа на мое письмо. Получив его наконец, я спросил, почему он не рассказал мне правду, вместо того чтобы тратить мое время на такую запутанную выдумку. Он объяснил, что боялся моего гнева. Этот ответ Генри показался мне важнее всей выдуманной им истории. Генри так нуждался во внимании и одобрении со стороны кого-нибудь, кто обладал бы в его глазах авторитетом, что ради этого готов был лгать. Этот анекдотический случай показателен с точки зрения долгосрочных последствий, к которым надо быть готовыми, отправляя на войну восемнадцати-девятнадцатилетних парней и заставляя их делать нашу грязную работу. Рядовые солдаты вроде Генри — зачастую всего лишь дети, которым приходится сталкиваться с убийством и смертью еще до того, как окончательно сформируются их представления о добре и зле. Ну а мне этот инцидент еще раз напомнил о том, что, если какой-то рассказ о войне кажется слишком сенсационным, скорее всего, он правдив.

Собрать материал для этой книги оказалось далеко не просто. Долгое время я сомневался, нужна ли она вообще, но потом все же решил, что не только военные, но и общество в целом выиграет, если эти истории будут рассказаны. Я принял это решение, проанализировав собственный опыт, прочитав значительное число научных работ и множество историй о солдатах, вернувшихся с войны. Вывод напрашивался такой: если чувство вины, стыд, боль или что-то еще мешает солдату

поделиться со своими родными и близкими самым важным, что произошло с ним во время войны, он начинает чувствовать себя чужим в обществе, ради которого сражался. Последствия этого отчуждения могут быть самыми серьезными. Алкоголь, наркотики и другие подобные способы справиться с посттравматическим синдромом еще больше отдаляют от него окружающих, работу, семью, друзей, превращают его в маргинала. Кроме того, если непосредственные участники боевых действий не начнут рассказывать правду о своем опыте, без прикрас и надуманной романтики, то общество навсегда так и останется в неведении о том, что такое настоящая война, каковы ее издержки и последствия.

Общество, «защищенное» от реальности войны, может переписать историю, представив войну не такой уж опасной и ужасающей, подчеркивая героизм и победы, но умалчивая о страшных, отвратительных поступках, которые совершаются гораздо чаще, чем принято думать.

В то же время солдат, рассказывающий о своем, зачастую очень личном и тяжелом опыте, снова становится частью общества. Одновременно он напоминает обществу, что и оно несет ответственность за его поступки, ведь именно оно отправило его сражаться и убивать. Эту ответственность принять нелегко, но сделать это необходимо для нормального социального развития государства в период после военного конфликта. Тик пишет в книге «Война и душа»: «Наше общество должно взять на себя ответственность за свои войны. Ветеранам, возвращающимся домой, наши лидеры и наш народ должны сказать: “Все, что вы делали, вы делали от нашего имени и по нашему приказу. Мы снимаем с вас ответственность за ваши поступки и берем этот груз на себя. Мы ответственны за вас, за то, что вы совершили, и за последствия”».

Для общества огласка военных эпизодов — это способ показать свою причастность к ним. Только так можно понять, с чем солдату пришлось столкнуться, помочь ему

найти смысл в своих действиях и, возможно, простить себя. Мне кажется, что все солдаты — это тоже так называемые сопутствующие потери: каждый раз, нажимая на спусковой крючок, они убивают частичку себя, хотя и делают это по нашему распоряжению.

Тим О'Брайен очень красноречиво говорит об этом в ставшем уже классическом романе о войне во Вьетнаме «Вещи, которые они несли с собой» (*The Things They Carried*): «Настоящая история о войне не может содержать никакой морали. Она ничему нас не учит, не восхваляет добродетель, не предлагает моделей правильного поведения, не пытается убедить людей не совершать поступки, которые они всегда совершали. Если создается впечатление, что у такой истории есть мораль, — не верьте этому».

Цель моей книги — правдивые истории о войне, а не морализаторство. Вы найдете их забавными, ужасающими, полными черного юмора или банальными — как все происходящее в жизни. Но они связаны с войной, а потому полны драматизма, неизбежного при актах насилия. Солдаты, нашедшие в себе мужество рассказать о своем опыте, пережили все это. Теперь их должно выслушать общество, ради которого они сражались.

В этой книге я расскажу о солдатах, с которыми познакомился, готовя репортажи из горячих точек. Но не только о них: я обращался и к другим военным, в том числе служащим в вооруженных силах иностранных государств. Я искал их через союзы ветеранов и военных, через военных врачей, включая психиатров. В результате у меня набралось довольно много интервью, в которых солдаты говорят о своем опыте; некоторые из них откровенно шокируют, другие могут показаться обывденными. Здесь я расскажу лишь несколько историй. Я выбрал те, которые показались мне наиболее характерными или наиболее искренними. Но я хочу сказать всем, кто согласился поделиться со мной пережитым: уже одно ваше участие дает мне надежду, что когда-нибудь

сквозь мифы, иносказания и выдумки нам удастся разглядеть что-то действительно похожее на правду.

Надо учитывать, что все эти воспоминания записаны со слов их героев. Как любые устные свидетельства, они неточны: что-то забывается, что-то додумывается; иногда исчезают целые сюжетные линии. Это не репортаж с поля боя и не официальный отчет. Сами рассказчики уверены, что все было именно так. А меня, в первую очередь, интересует их личное восприятие событий, их личный опыт участия в боевых действиях. Рассказать эти истории было непросто. Я очень благодарен всем, кто поделился ими со мной, и надеюсь, что это хоть немного поможет и им самим, и их близким обрести покой. Сейчас, когда война в Ираке закончилась, а в Афганистане постепенно подходит к концу, домой начинают возвращаться ветераны с тяжелым физическим и психологическим грузом пережитого. Мы должны постараться облегчить их ношу. Для этого надо услышать их и открыть им наши сердца.

Автор сидит на иракской зенитной ракете (2003 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Я И МОЙ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

Теперь, когда война закончилась, все мои военные амулеты брошены где-то в спальне, а за спиной у меня стоит смерть, и мне никак от нее не избавиться. Кажется, в мире не осталось места для веры в предназначение, судьбу, Бога или призраков.

Энтони Ллойд.

Моя война прошла, я так по ней скучаю

В ОТ ЧТО ПРОИСХОДИТ, когда человек возвращается с войны домой: жизнь, полная эмоций, абсурда, глупостей, рисков, безрассудств и фриivolности, внезапно замирает. Насилие и опасности, месяцы перенапряжения не проходят бесследно. Когда-то я считал, что война меняет только непосредственных ее участников и жертв, а не простых свидетелей. Я ошибался. На войне никто не может отсидеться в роли наблюдателя.

Самое большое коварство войны заключается, похоже, в том, чтобы поселить войну внутри нас. Мне хотелось по-прежнему верить в собственную добродетельность, но поступки мои говорили совсем о другом: в лучшем случае я человек эгоистичный, а в худшем — бессердечный. Та самая юнгианская двойственность человеческой природы.

Много лет я пытался найти ответ на вопрос, на который нет однозначного ответа. Эти поиски мучили меня: то мне хотелось остаться одному, то я боялся одиночества, то намеренно искал уединения, то не мог ни на секунду остаться без собеседника. Но ни то ни другое не помогало.

Однажды, собирая материал для книги, я натолкнулся на фразу Вирджинии Вульф: «Кто не говорит правду о себе, не может говорить ее и о других». Эти слова запали мне в душу. Я понимал, что прежде всего мне необходимо рассказать правду о самом себе. А для этого сначала надо понять, кто я — хороший человек, совершавший некоторые плохие поступки, или война выявила мою скрытую темную сторону. Я начал свое расследование, записывая на доске аргументы против самого себя. Свидетельства выглядели ужасающе убедительно. Получилось вот что (см. рис. на с. 31).

Обвинение основывалось на трех событиях, которые произошли со мной в течение последних десяти лет. Почти все это время я посвятил репортажам о войне. Можно сказать, что эти три случая демонстрируют проблему выбора, с которым каждому, не только солдатам, приходится сталкиваться во время боевых действий. Но в моей жизни они стали центральными вехами. Решения, принятые именно в эти моменты, определили, какой путь я выберу: разрушительный или спасительный. Когда-то я был уверен, что чувство вины за сделанный выбор сокрушит меня. Скажу больше: этого-то я и хотел. Сейчас мне временами кажется, что без этих событий моя жизнь вообще не имела бы смысла. Как бы то ни было, я несу ответственность за свои поступки. Наверное, если рассказать о случившемся в подробностях и по порядку, всему найдется разумное объяснение, но иногда все это кажется бредом воспаленного воображения.

Случай первый: простая нерешительность. Октябрь 2001 года, город Пули-Хумри в северной части Афганистана на границе с Таджикистаном. Город перерыт глубокими окопами, напоминающими о Первой мировой войне: здесь